

Очень интересны приводимые автором доказательства в пользу гипотезы, согласно которой авестийская Кангха (Кангюй китайских источников) находилась на средней Сыр-Дарье. Вместе с тем автор указывает, что С. П. Толстов в своих последних работах первоначальную территорию Кангхи-Кангюя относит к области соприкасающихся дельт Аму-Дарьи и Сыр-Дарьи. Большое значение для окончательного решения вопроса имел бы археологический материал, пока еще недостаточный для нижней и особенно средней Сыр-Дарьи.

Нельзя не отметить в заключение, что книга написана хорошим языком, сложные вопросы изложены в ней предельно четко и интересно, а потому книгу с удовольствием прочтут не только узкие специалисты, но и все, кого привлекают проблемы истории и этнографии.

К сожалению, работа издана небольшим тиражом (1300 экземпляров), и теперь уже книга является библиографической редкостью. Хотелось бы, чтобы при переиздании в нее были включены иллюстрации, карты, указатели.

Рецензируемая книга далеко вышла за рамки объявленной в заглавии темы, ограниченной исследованием древних рунических памятников как источника по истории Средней Азии, и показала достаточно широкие перспективы использования тех же памятников для исследования многих важнейших проблем средневековой истории Центральной Азии. Выход в свет работы С. Г. Кляшторного напоминает, что настало время подумать об издании «Корпуса древнетюркских рунических памятников» — этого важнейшего источника для изучения истории, быта, культуры, идеологии тюркских племен Центральной и Средней Азии, их первых языковых и литературных памятников.

Книга С. Г. Кляшторного — крупное событие в тюркологии, она бесспорно займет почетное место среди лучших трудов русского востоковедения.

С. Вайнштейн

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ ЕВРОПЫ

М. Велева. *Българската двупрестилчна носия*. София, 1963, 162 стр. 90 рис., 4 карты. Българска Академия на науките, Етнография институт с музей.

Книга М. Велевой состоит из 12 глав, посвященных описанию и анализу вариантов «двупрестилочной ноши» — женской поясной одежды северо-западной Болгарии, основным признаком которой являются два куска ткани, напоминающие в одних вариантах украинскую плахту, в других — южнорусскую поневу.

М. Велева — один из крупнейших специалистов по материальной культуре болгарского народа. Книга ее — результат многолетней работы, итог многих статей — является серьезным вкладом в болгарскую этнографическую литературу. Для этнографов, занимающихся народами СССР, она также представляет большой интерес, так как элементы болгарской одежды тесно связаны с одеждой восточных славян и других народов европейской части Советского Союза.

Научное общение болгарских и советских ученых, рост культурных связей отразились в работе. М. Велева прекрасно осведомлена о советской этнографической литературе и проводит параллели между болгарской одеждой и аналогами, иногдаходящими до полного совпадения в одежде народов СССР. Болгарский материал включает некоторые недостающие звенья, помогая осмыслить процессы изменений в восточнославянской одежде, как это будет показано ниже.

Описав географический район распространения двупрестилочной одежды, М. Велева указывает связь этой территории с историческим местом объединения семи славянских племен и началом первого болгарского государства на Балканах.

Основная мысль автора — показать древность и славянское происхождение двупрестилочного комплекса женской одежды — иллюстрируется сравнительным материалом. Важнейший элемент этой одежды — рубаху «борчатку» М. Велева, присоединяясь к высказываниям Б. А. Куфтина и К. Мошинского, считает общеславянской, основой для которой послужили два полотнища ткани, скреплявшиеся на плечах фибулами.

С точки зрения Велевой, один принцип объединяет весь комплекс двупрестилочной одежды: разные элементы ее состоят из отдельных кусков ткани (стр. 54). Это относится и к рубахе, и к поясной одежде, и к «нагруднице» и «огорлице» — матерчатым украшениям, закрывающим грудь поверх рубахи (стр. 56). Однако, по нашему мнению, материал, приводимый М. Велевой, не вполне подтверждает принцип кроя, сформулированный ею.

М. Велева, несомненно, права, считая, что единый принцип кроя комплекса свидетельствует о его древности и примитивности, но в описанном ею костюме северо-западной Болгарии нет, с моей точки зрения, такого единства.

Научные наблюдения над историей одежды сейчас выходят из описательной стадии: мы уже можем говорить об известных закономерностях в создании и эволюции одежды. Эти закономерности можно формулировать следующим образом.

1. Покрой одежды наиболее рационально использует фактуру материала, и зависит от этой фактуры.

2. В наиболее древнем оформлении один и тот же прием покроя применяется для мужской и женской, нательной и верхней одежды. Смена или усложнение покроя происходит при дифференциации общественной группы, выражая социальное положение лица, носящего одежду.

3. Первоначально оформление одежды имеет смысловое значение, в изменившихся общественных условиях смысл может быть забыт, утерян, но остается традиция.

Учитывая эти закономерности, можно яснее рассмотреть процесс эволюции одежды. Сравнивая болгарскую рубаху «борчатку» во всех ее вариантах — с косыми и прямыми поликами — с восточнославянской рубашкой, можно найти недостающие звенья и объяснить смысл процесса.

С. П. Толстов в своей ранней работе связывал генезис южнорусской рубашки с косыми поликами с туникообразной рубахой, считая, что «косые полки» — это вставка вышивки, усложнившая туникообразный покрой¹. Анализ его был очень убедителен: действительно, на южнорусской рубахе с косыми поликами заметен крой, свойственный туникообразной рубахе, усложненный треугольными вставками, расширяющими плечи и позволяющими собрать ворот в сборки. Д. К. Зеленин, как и Б. А. Куфтин, считали, что северорусская рубаха с прямыми поликами происходит от рубахи на лямках, у которой позднее появились рукава и соединяющие их наплечники. Длинный кусок ткани со сделанным в нем отверстием для головы дает начало туникообразного покроя. Такой покрой имеет всемирное распространение: он наиболее экономичен и прост в шитье. Дальнейшее развитие туникообразной одежды вытекает из условий жизни: чтобы расширить подол, пришивают клинья; чтобы защититься от холода, пришивают рукава. Если в руках человека шкура или цинковка, он скрепляет их, чтобы увеличить; но что могло побудить человека, имеющего в руках кусок ткани, сначала разрезать эту ткань, а потом скреплять куски?

Очевидно, не поиски наиболее простого приема шитья, а стремление что-то выразить кроем одежды. Собранный ворот, расширенные плечи и рукава женской рубашки должны иметь какой-то смысл; какой — нам было неясно, так как мы не имели промежуточного звена.

Проследив различные варианты болгарской рубашки «борчатки», можно составить целую цепь постепенного отхода покроя от туникообразной рубахи с двумя основными полотнищами к разному расположению швов. Цель изменения остается при этом единой: это требование создать сборчатый ворот, сделать рубаху пышной в плечах, увеличить площадь рукавов и плечевых вставок. Каков смысл этого требования к покрою? Вырастает ли оно из эстетических представлений и что создает эти эстетические представления? Мне кажется, Н. П. Гринкова в своей работе «Отражение производственной деятельности руки»² наметила разгадку. Она привела большой материал русской вышивки с изображением руки. Вышивки располагались в плечевой части рукава и на плечах. Цель их — магически усилить мощь руки и подчеркнуть эту мощь. Подчеркиванию мощи руки и плеча служит и сборчатость рукава и ворота. Начинаясь с магического укрепления, оберега вышивкой, пышность ворота переходит в эстетическое требование, а потом — в традицию. Тут покрой усложнен требованиями, уже утерянными сознанием, но законсервированными в традиции, направленность которой не в сохранении расположения швов, а в разрастающейся пышности, в структуре ворота, характерной для южной и северной русской рубашки, как и для болгарской.

Рассматривая приведенные М. Велевой материалы по задней престилке, мы снова возвратимся к работе Н. П. Гринковой по истории русской одежды. Н. П. Гринкова связывала происхождение южнорусской поневы с поясными подвесками. «Мы застаем у южнорусского населения следы поясных украшений в виде нашивок и вышивок на поневе в эпоху строительства социализма и бесклассового общества на территории СССР»³, писала она. «Ретроспективно идя в глубь веков, обнаруживаем присутствие развитых поясных подвесок в археологических раскопках Волго-Донского и Волго-Камского районов, где они имели, видимо, культовое значение». У народов Поволжья — чуваш, мари, мордвы — поясные подвески получили самостоятельное развитие. У русского населения поясные подвески переросли в поясную одежду. «Южная понева данного типа развилась из отдельных полос, позднее получивших соответствующие украшения: эти полосы являлись подвесками к поясу. Таким образом, упомянутый тип поневы возможно связать с той группой вышеописанных поясных подвесок, которые прикрепляются в виде парных на поясе»⁴.

Болгарские задние престилки Преславского и Провидийского районов, носящие название «окрелът» и «завешки», очень близки к южнорусской поневе. «Окрелът» состоит

¹ С. П. Толстов, К проблеме аккультурации, «Этнография», 1930, № 1—2.

² Н. П. Гринкова, Отражение производственной деятельности руки, «Сов. этнография», 1935, № 1, стр. 63 и сл.

³ Н. П. Гринкова, Указ. раб., стр. 74, и сл.

⁴ Там же, стр. 74.

из трех точек (по 35 см ширины) черной шерстяной ткани, сшитых по вертикали. Иногда цветные швы на черном подчеркивают, что одежда состоит из отдельных кусков. К средней точке прикреплен прямоугольный кусок 15×17 см, называемый «манта», украшенный вышивкой. Иногда к «манте» прибавляют еще «опашки» — двойные полосы материи 5—6 см ширины, покрытые вышивкой и спускающиеся до подола (см. рецензируемую работу М. Велевой, чертеж 25 а и фото 26 в и г, стр. 44—45).

М. Велева отмечает, что эти типы задней престилки тесно связаны с южнорусской поневой, и указывает, что «манта» напоминает поясные украшения, встречающиеся в южной части Болгарии под названием «гахтани». Гахтани — это род «завески» из шнуров 70—80 см длины, плотно сцепленных и прикрепленных сзади к поясу. Надевали их на верхнюю одежду — саю. В Сливеском и Ямбальском районах тоже носили поясные украшения из шерстяных шнуров 20 см длины — «рѣсни» (стр. 124). Сколько можно судить по краткому описанию, гахтани очень напоминают мордовский пулай.

Рассматривая фото на стр. 45, можно заметить, что прикрепленные к задней престилке «опашки» совершенно аналогичны старинным ижорским поясным подвескам «каттирет», описанным Н. Ф. Прытковой⁵.

«Завешки» — другой тип задних престилок того же Провдийского района — состоят из трех продольно расположенных точек, но отличаются от «окрельт» тем, что боковые точки скошены, а средняя имеет выступ, как перегиб, откидывающийся поверх престилки. Хр. Вакарельский (в устной беседе со мной) охарактеризовал этот перегиб на престилке и тип престилки с продольными полосами как очень древний. Думаю, что он прав и этот отворот престилки — разновидность поясных подвесок, отмирающих в болгарской и восточнославянской одежде, но получивших очень широкое развитие у народов Поволжья.

Предположение Н. П. Гринковой, что южнорусская понева развилась из поясных подвесок, подтверждается переходными формами у мордвы, о которых Гринкова не упоминает. В книге П. С. Палласа есть рисунок мордовской женщины XVIII в.; там изображена поясная одежда, состоящая из четырех кусков ткани, обшитых внизу бахромой⁶.

В старых коллекциях Музея антропологии и этнографии АН СССР имеется экспонат, поясняющий нам рисунок Палласа. Это шесть перегнутых пополам, украшенных ткаными выкладками, кумачом и лентами полотенец, скрепленных пояском под перегибом. Они образуют как бы поясную одежду, надеваемую сзади⁷.

Входят ли поясные матерчатые подвески в исконно славянский комплекс, получивший дальнейшее развитие у народов Поволжья? Они превратились у восточных славян и болгар в поясную одежду. Не есть ли это общее, более древнее наследство всех народов Восточной Европы? У нас не хватает данных, чтобы ответить на эти вопросы. Но болгарский материал добавил некоторые звенья в этой цепи, и нужны дальнейшие поиски в этом направлении, которые помогут раскрыть еще только намечающиеся генетические связи. Во всяком случае задние престилки болгар имеют очень сложное происхождение, и вряд ли можно согласиться с М. Велевой, что они дублируют в поясной одежде единый принцип с рубашкой. Мне кажется мало убедительной иллюстрацией этого единого принципа архитектоники двупрестилочного комплекса и нагрудные украшения «нагрудница» и «огорлицы», приведенные М. Велевой (стр. 64).

Нагрудница — прямоугольный кусок ткани, украшенный бисером и монетами, как показывает само название, прикрывает грудь женщины. Он чрезвычайно напоминает нагрудные украшения у народов Поволжья, выросшие из нагрудников, носимых под рубашкой. Такие нагрудники органически связаны с туникообразной рубашкой, не имеющей подполки и оставляющей открытой грудь женщины⁸. В двупрестилочном комплексе болгарской одежды нагрудница потеряла органическую связь с покроем и стала просто украшением.

Верхняя одежда двупрестилочного комплекса тоже, видимо, разного происхождения: она резко различается по покрою и по фактуре. Наиболее примитивной по покрою следует считать «кичу», бытующую на Провдийском плато. Это распашная безрукавная одежда, без швов на плечах, сшитая из «буклированной» черной шерстяной ткани домашней выделки. Она стоит совершенно особняком, резко отличается от других видов верхней одежды, имеющих сложный покрой и богатую орнаментацию; в разных районах она носит различные названия. Другие три вида одежды домашнего сукна, со швами на плечах и клиньями от пояса, различаются по орнаментации и по рукавам: «кѣсак», «клашник» — совсем не имеют рукавов; «долотканка» — с рукавами до локтя; «голема дреха» (т. е. большая одежда) имеет длинные рукава до кисти. К сожалению, М. Велева описывает их очень кратко, упоминая лишь, что все

⁵ Н. Ф. Прыткова, Одежда ижор и води, Л., КИП, 1929, стр. 318.

⁶ П. С. Паллас, Путешествие по разным провинциям Российского государства. СПб., 1789. Фото приведено в кн.: Н. И. Гаген-Торн, Женская одежда народов Поволжья, Чебоксары, 1960, стр. 13.

⁷ Н. И. Гаген-Торн, Указ. раб., стр. 104, 105, фото 48.

⁸ Там же, стр. 76—90.

эти виды верхней одежды носят молодые женщины в праздники и что эта одежда имеет главным образом обрядовое значение. Девушки их не носят (стр. 58). Стоит упомянуть, что главная часть орнамента нашивается на них сзади, от пояса к подолу, в виде продолговатых полос, расположенных на бедрах.

Мы уже встречались в южнорусской поневе и в болгарской задней престилке с поясными украшениями, превратившимися в вышивку (см. фото 26 в и г, «окрели» стр. 45); невольно возникает предположение, что вышитые на бедрах верхней одежды полосы — тоже рудимент когда-то носимых на этих местах поясных украшений. Разумеется, это требует дальнейших исследований, как и замечание М. Велевой, что этот вид одежды носят только замужние женщины. А какую верхнюю одежду носили девушки? Различие головного убора девушки и замужней женщины соблюдалось в болгарском костюме так же строго, как в восточнославянском и имело ту же цель: закрыть волосы замужней женщины, так как открытые ее волосы якобы «опасны». Закрывание волос женщины — способ обезопасить от нее окружающих и показать ее подчиненное положение в роду мужа⁹. Различие в головном уборе символизировало семейное положение носительницы и долго сохранялось.

Различия в крое и украшении одежды не так устойчивы, но рудименты их мы наблюдаем у восточных славян: в бывших Тамбовской и Воронежской губерниях девушки носили глухой сарафан, а замужние женщины — поневу и короткую наплечную одежду. М. Велева пишет о верхней одежде болгарок, которую носят только замужние женщины. Не являлся ли и у них когда-то сукман, очень напоминающий русский глухой сарафан, тоже девичьей одеждой?

Быть может, этим объясняется совместное бытование сукмана и задней престилки: забыто разделение на женскую и девичью одежду, сохранилась только память о бытовании разных типов одежды.

Все эти вопросы требуют дальнейших исследований. Важность книги М. Велевой в том, что приведенный и подытоженный ею в сравнительном плане материал позволяет яснее поставить вопросы: как шел процесс изменения одежды? Какова связь между славянскими элементами в одежде и их аналогами у народов Поволжья и Кавказа? Очень сложные пути формирования различных национальностей Восточной Европы из многих компонентов нашли свое отражение в одежде. Анализ одежды поможет в изучении этногенеза и в исследовании процессов социального творчества.

⁹ Н. И. Гаген-Торн, Указ. раб., гл. «Магия волос и головные уборы».

Н. Гаген-Торн.

НАРОДЫ АФРИКИ

Marian Małowist. *Wielkie państwa Sudanu Zachodniego w późnym średniowieczu*. Warszawa, 1964, 461 стр.

За последние несколько лет заметно возросло число исследований, посвященных средневековой истории Западной Африки. Среди них достойное место занимают работы польских ученых, в частности, Т. Левицкого. Книга Мариана Маловиста «Великие государства Западного Судана в позднем средневековье» продолжает это направление в польской исторической науке.

Как видно из текста книги, она представляет собой часть задуманного автором более широкого исследования ранней колониальной экспансии европейцев в Африке¹. М. Маловист следующим образом формулирует поставленную перед собой задачу: «...целью настоящего труда является изучение влияния ранней европейской экспансии на народы Западной Африки в XV и XVI вв.» (стр. 55). Несколько забега вперед, следовало бы, однако, заметить, что содержание книги оказалось гораздо шире намеченного: перед нами, в сущности, исследование состояния, в котором находились западносуданские общества к началу колониальной экспансии и в ранний ее период. Думается, что такого рода несоответствие можно только приветствовать.

Работа М. Маловиста состоит из введения (стр. 5—55), четырех глав, рассматривающих соответственно политическую и религиозную жизнь Мали (стр. 56—132), общественную и хозяйственную структуру этого государства (стр. 133—202), состояние западносуданских ремесла и торговли в XV и XVI вв. (стр. 203—345), социально-экономические и политические изменения, связанные с возникновением и развитием сонгайской державы в XV—XVI вв. (стр. 346—428; в эту главу включены также краткие справки о государствах Моси и Сенегамбии) и заключения (стр. 429—435). Книга снабжена указателем и списком основной литературы.

¹ Этой теме посвящена была и статья М. Маловиста «O społecznych aspektach wczesnej ekspansji kolonialnej», «Przegląd Historyczny», 1963, No. 1.